

Сергей Васильевич Максимов

**На востоке. Поездка на
Амур**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С32

С32 **Сергей Васильевич Максимов**
На востоке. Поездка на Амур / Сергей Васильевич Максимов – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 590 с.

ISBN 978-5-4241-8972-2

Дорожные заметки и воспоминания.

ISBN 978-5-4241-8972-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ства и запастись возможно-большимъ терпѣнемъ. Я такъ и сдѣлалъ.

Быстро примчала меня желѣзная дорога въ Москву; скоро очутился я у рогожской заставы, гдѣ большой тарантасъ, шедшій въ Нижній, дожидался только одного попутчика. Извозчики, по обыкновенію, накинулись на меня огромной толпой: видимо рады были моему появленію; запросили съ меня огромную сумму, считая за новичка, и не ошиблись. Сѣвъ въ тарантасъ, я имѣлъ удовольствие слышать отъ одного сосѣда, что онъ заплатилъ только половину моей суммы, и ѣхалъ до Нижняго, а отъ другого, что онъ заплатилъ противъ меня вдвое и ѣхалъ не до Вязниковъ, какъ я, а только до Владиміра. Все, словомъ, случилось такъ, какъ бываетъ это и до сихъ-поръ, по положенію: раньше, пришелъ — оплатишь всю дорогу; позже пришелъ, да узнаешь, что сѣдоки есть, заплатишь ничтожную сумму, которую иной разъ стыдно выговорить; самымъ послѣднимъ пришелъ — при отъѣздѣ, когда уже не только окуплена вся дорога, но и взяты крупный залишекъ — уѣдешь чуть не даромъ. Во всемъ умѣне и сноровка и такова уже логика, исконный порядокъ и обычай всѣхъ ямщиковъ у рогожской.

Показали мы билеты свои на заставѣ, заплатили шоссейную пошлину и поѣхали. Ямщикъ у насъ безсмѣнный, беззащѣтный, разговорчивый; cadaго спросилъ, куда ѣдетъ, кто таковъ, и зачѣмъ. Дошелъ и до меня чередъ:

— Отгадай! предложилъ я ему.

— Да какъ тутъ тебя судить? дѣло темное. Пальто, вишь, на тебѣ изъ парусины, наде быть, шито; шапка нервная. Кто тебя знаетъ, что ты такое?

— Такъ на то, поди-тебѣ, и голова въ плечи ввинчена, чтобъ знать да думать, и на то ты извозчикомъ зовешься, чтобъ сразу отгадывать и въ одинъ духъ догадываться о сѣдокахъ; а затылкомъ-то я и самъ, братъ, крѣпокъ.

— По рѣчи-то по твоей равно бы ты изъ кутейниковъ. Они больно на языкъ-отъ зубасты бываютъ.

— Зачѣмъ же ты изругался-то?

— Кутейникомъ назвалъ? Извини! Такъ я тебя и духовенствомъ могу взвеличать—изволь, сдѣлай милость!

Такъ и вышло: всю дорогу до Вязниковъ я слылъ подь именемъ духовнаго. Замѣшкался ли я на станціи—«духовнаго нѣтъ» замѣчалъ ямщикъ. «Какого духовнаго?» спрашивали товарищи. «А что въ бѣломъ-то».

— Не бросай, господинъ духовный, окурокъ-отъ, дай мнѣ. Какъ ты вотъ уже въ попахъ трубку-то будешь курить—за волосья трепать стануть.

— А что, господинъ кутейникъ ... то-бишь духовный господинъ, подыскалъ ли ты себѣ поповну то? Безъ того, вѣдь, и мѣста не получишь.

— Учатъ ли васъ наукѣ-то этой, чтобы по звѣздамъ читать и сказывать, чтѣ какая звѣзда значить, духовный человекъ?

И все въ такомъ родѣ и въ подобныхъ выраженіяхъ, обращенныхъ въ большей части случаевъ въ формѣ вопросовъ, по которымъ можно было видѣть не пытливаго изслѣдователя, а простаго, празднаго разспрощика, который оттого и задаетъ вопросы, что ему больше дѣлать нечего. Онъ меня успѣлъ уже спросить (и не одинъ разъ): на чемъ свинья хвостъ носить? какъ выходить по наукѣ: къ слезамъ или къ радости лѣвый глазъ чешется; шуриновъ племянникъ какъ зятю родня? мужъ съ женой, братъ съ сестрой, шурина съ зятемъ: сколько народу стало? словомъ, это былъ ямщикъ, распущенный, избалованный купеческой повадкой и баловствомъ, ямщикъ, который хорошъ былъ бы въ лакейской компаніи, едва-ли пригоденъ къ другому дѣлу, помимо легкаго дѣла — извоза, и, навѣрное, не устоялъ бы въ такой работѣ, которая требуетъ и вниманія, и догадливости, и смѣтки, а потому-то онъ, навѣрное, и состоитъ въ ямщикахъ.

Спутники мои на этотъ разъ оказались тоже несостоятельными и пригодились только на то, чтобы идти въ долю на чай, на порцію селянки, на пару пива. Одинъ оставилъ насъ во Вла-

димирѣ, его мѣсто занялъ другой, еще хуже, а въ Вязникахъ оставили меня и тѣ и другіе: и старые мои спутники, и новые.

Въ Вязникахъ я остался одинокъ, безъ совѣтника, безъ руководителя на постояломъ дворѣ, остался потому именно, что изъ Вязниковъ путь мнѣ лежалъ въ сторону за Клязьму, гдѣ, въ 40 верстахъ, лежало село Холуй, съ иконопасцами до послѣдняго обитателя, съ окрестными деревнями и селами, заселенными исключительно одними офенями. Тамъ моя Мекка, моя Медина, мой Эльдorado!

Толстый, безобразно-толстый и (вслѣдствіе того) флегматическій дворникъ оставался пока единственнымъ моимъ совѣтникомъ руководителемъ, другомъ, если я имѣлъ только право на это послѣднее названіе тогда, и если не принимать въ расчетъ его грубые, краткіе отвѣты, которые обижали меня вначалѣ съ непривычки, отъ незнанія и неумѣнья освоиться съ настоящимъ своимъ положеніемъ. Такъ я рѣшилъ впоследствии; но на первыхъ порахъ выговорилъ—таки дворнику этому свое неудовольствіе:

— Видимся мы съ тобой впервые, другой разъ, можетъ-быть, и не сойдемся; знаемъ мы другъ друга всего только безъ году недѣлю. Я тебя не обидѣлъ, и говорилъ—то съ тобой—только квасу попросилъ, а такой ты сердитый, неразговорчивый! Ляпнулъ мнѣ давеча одинъ короткой да крутой отвѣтъ, и то словно быкъ рогатый въ бочку рывкнулъ.

— Да вы изъ дворянъ, что ли?

— А хотъ бы и такъ, положимъ, на первый разъ.

— Ну, такъ извините: такъ и знать станемъ. Что же вамъ отъ меня надо?

— Хочется знать, какъ въ Холуй проѣхать?

— А по дорогѣ надо ѣхать.

— Остроту твою чувствую, а не дивлюсь: толку-то она мнѣ мало сказываетъ.

— Надо лошадей нанять.

— Не коровъ же, полагаю.

— По званію вашему, надо тройку взять: у меня есть на дво-
рѣ угарная. Прикажете—сейчасъ подадимъ.

— А сколько возьмешь?

— Да десять рублей на серебро: вѣдь въ сторону.

— За сорокъ-то версть?

— За тридцать восемь съ половиной.

— Ну, Богъ съ тобой! у меня такихъ денегъ нѣтъ.

— Нѣтъ, такъ и разговору нѣтъ. Попутчика ждать придет-
ся вашей милости.

— А долго?

— Какъ Господь благословить: можетъ, недѣлю, можетъ и
больше, а, можетъ-быть, и сейчасъ навернется....

Все видимо располагается не въ мою пользу: мало обнадежи-
ваетъ успѣхомъ; къ тому же первый блинъ, да и тотъ комомъ. Все
начинаетъ глядѣть на меня какъ-то сумрачно, сухо, непривѣтли-
во; ничто не радуетъ, ничто не увлекаетъ. Корова подошла по-
чти ко мнѣ, вытянула шею и неистово, почти надъ самымъ ухомъ
моимъ, промывчала разъ, другой, третій, десятый, безъ паузъ,
одинъ за другимъ. Зачѣмъ, къ-чему, ради какой причины? Бро-
силъ я въ нее палку—она отошла и опять заревѣла. Собака вы-
бѣжала изъ подворотни, залаяла на нее и погнала: побѣжала ко-
рова, поднявъ хвостъ и прямо на мостъ, въ-прискокку. А подъ
мостомъ, ужъ вѣрно знаю, полощутся утки и шепчутся; пошеп-
чутся въ октавныхъ тонахъ и опять пополощутся. Одна утка
кончила, вышла изъ воды и пошла (что купчиха толстая, пере-
валиваясь съ боку на бокъ) въ гору; за ней потянулась другая,
третья, десятая. Вонъ вышли онѣ изъ-подъ моста и всѣ у меня
на виду, и всѣ вытягиваются въ линію, въ прямую линію, и тя-
нутся гусемъ; одна сбилась съ ноги и спѣшитъ поправиться, срав-
няться и не нарушать порядка—истые солдатики на батальон-
номъ ученьи. И опять идутъ новыя утки, переваливаясь съ бо-
ку на бокъ и побрякивая, шепчутся между собою—о чемъ? на ка-
комъ языкѣ? Вотъ сидѣло зашумѣла и понеслась за Клязьму ог-
ромная туча угорьныхъ воробьевъ: видно, напугалъ ихъ сторожъ

и согналъ съ любимыхъ мѣстъ, съ вишневыхъ кустовъ, которыми усыпана вся вязниковская гора направо... Вонъ пронесла тройка какого-то счастливца въ Москву; сидитъ онъ въ пыли весь; колокольчикъ выколачиваетъ свою дурацкую, лѣтнюю пѣсню. Скучно и досадно! *Скучно* потому, что съумѣлъ себя выбросить въ незнакомое, непривычное мѣсто; *досадно* потому, что третьи сутки жду и не дождусь избавителя-попутчика.

Но вотъ и онъ наконецъ.

Сидѣли мы съ дворникомъ на крылечкѣ. Я объяснялъ ему, отчего у человѣка жиръ нарастаетъ, отчего у него никогда дѣлается и какъ отъ подобныхъ неприятностей избавляются люди. Онъ жаловался мнѣ на тягость жизни: по лѣтамъ отъ жары и жиру, на необходимость потреблять огромное количество квасу ежедневно, почти ежечасно; говорилъ, что его и вода не принимаетъ, что онъ на пей, какъ на постели, можетъ ворочаться: и на спинѣ лежитъ, и на любой бокъ можетъ повернуться, а окунуться при купаньѣ — трудъ великій.

— Свиная жизнь, прибавлялъ онъ: — ходишь да хрюкаешь.

Словомъ, разговоры наши шли своимъ чередомъ и носили характеръ казенный, обыденный. Въ воротахъ, между-тѣмъ застучала телега и на дворъ въѣхала пара лошадей съ двумя сѣдоками. Одинъ изъ нихъ рылся въ телегѣ, другой ловко соскочилъ на землю и обратился къ дворнику съ тѣмъ же вопросомъ, съ какимъ и я, дня три назадъ.

— У насъ лошади есть, да дѣроги, отвѣчалъ ему дворникъ — Ступай поищи въ слободѣ: тамъ найдешь охотниковъ. Тебѣ куда ѣхать-то?

— Въ Ряполово.

— Такъ вотъ тебѣ до Хѣлуя попутчикъ.

Дѣло шло обо мнѣ. Сговариваться приводилось недолго: рѣшили платить пополамъ, и дѣло поступило въ архивъ, какъ оконченное. Товарищъ мой повертѣлся недолго около телеги, на дворъ и въ избѣ. Изумилъ меня своею юркостью, лихорадочною подвижностью, бойкими глазами, которые ни на одинъ мо-

ментъ не оосредоточивались на одномъ и томъ же предметѣ; непрерывное движеніе рукъ и подергиванье плечъ обличало въ немъ если не болѣзнь, то долгую привычку въ спѣшныхъ и торопливыхъ ра-ботахъ. На мои глаза это былъ купеческій прикащикъ, любимый у хозяина, довѣренный у него и главный.

— По-нашему, попросту, оеня это! объяснил мнѣ дворникъ, по уходѣ товарища.

— Вонъ и тотъ безпремѣнно оеня, продолжалъ онъ потомъ. Теперь они въ деревню, на побывку ѣдутъ — время такое: много съѣзжается; ужо, чрезъ недѣлю, поползуть, что вороньѣ, успѣвай лошадей припасать.

Но у меня уже сердце на первыхъ словахъ переполнилось радостью; и чѣмъ дальше и больше говорилъ мнѣ дворникъ, тѣмъ сильнѣе возрастало мое нетерпѣніе и душевный восторгъ. Предметъ исканій самъ дается мнѣ въ руки, и такъ легко и скоро, безъ всякаго труда! Надо теперь подойти къ нему осторожно и выпытать правду, но такъ, чтобъ онъ не замкнулся въ свой толстой раковинѣ, а распустился бы, какъ цвѣтокъ на весеннемъ солнышкѣ, всецѣло до послѣдняго, самаго мелкаго лепестка. Если оеня—думалось мнѣ въ тоже время — умѣетъ надувать всю Россію; надувалъ когда-то въ Венгріи, въ Австріи, надуваетъ теперь своего брата, и хозяина, то самъ, въ свою очередь, навѣрное, не легко поддается обману. Да еще и сѣумѣю ли придумать, сѣумѣю ли приложить къ дѣлу, сѣумѣю ли управить за всѣми изворотами и направить къ искомому результату: не попасть бы мнѣ на мель, и не сѣсть бы тутъ надолго; не наскочить бы на скалу и не разбиться бы въ дребезги. Но, попытка — не шутка, спрость — не бѣда, попробуемъ!

Сѣлъ я съ оеней и поѣхалъ. Ыхали мы не долго, за Клязьмой тотчасъ же слѣзли съ телеги и пошли пѣшкомъ. Жара была невыносимая, на телегѣ жаръ пропекалъ насъ до мозга костей и напоминалъ намъ о себѣ, за немнѣишемъ дѣла, ежеминутно. Пошли мы пѣшкомъ, задали себѣ работу—о жарѣ почти и за-

были; закурили трубки, повели разговоръ съ обыкновенныхъ вопросовъ: кто мы, зачѣмъ и откуда.

Я—семинаристъ, отъискиваю мѣсто учителя.

Онъ—торгующій. Живеть у хозяина, въ Оренбургской Губерніи; три года не былъ на родинѣ: идетъ отдохнуть и повидаться съ родными.

— Стало-быть, вы, офеня?

Сердитый взглядъ и короткій отвѣтъ:

— Мазыки.

— Съ коробкомъ ходите?

Опять, медвѣжье взглядѣ на меня и снова короткій отвѣтъ:

— Съ коробками мелкота ходитъ; здѣшныя.

— А вы-то какъ же?

— Мы въ лавкѣ сидимъ, а на ярмарки съ возами ѣдимъ.

— Извините: нечаянно, не думавши обидѣлъ васъ.

Офеня мой промолчалъ: видимо, простилъ меня. И опять молчить, сосредоточенно покуривая трубочку и сплевывая. Хочется мнѣ опять приступить къ нему, натравить его на разговоръ; но съ какого конца? Боюсь опять не рассердить бы его, не ухватить бы за живое мѣсто. Попробую.

— И долго вы пробудете дома?

— Сколько прогостится, сколько сможетъ.

— Да, вѣдь, хозяинъ, вѣроятно, на срокъ отпустилъ.

— Хозяинъ намъ въ этомъ дѣлѣ не указъ; мы на него больше зависимость кладемъ, чѣмъ онъ на насъ.

— Ну да врешь же, парень!— перебилъ его нашъ ямщикъ, давно уже прислушивавшійся къ нашему разговору.— Прогостишь-то ты, чай, до макарьевской ярмарки, а тамъ, тебѣ вѣдно въ Нижній ѣхать, товары принять, да и возы ихъ на мѣсто, къ хозяину.

«Спасибо ямщикъ! спасибо за то, что поддержалъ ты меня, вывелъ большое дѣло наружу. А кому и знать офенскіе обычаи, какъ не тебѣ: не первый же годъ ты, поди, съ ихнимъ братомъ водяшься, да и сосѣдъ такой ближній, можетъ-быть, и самъ въ быдья поры офенствовалъ.»

Такъ думалъ я про-себя, но сказать вслухъ не рѣшился: боялся. Офеня нашъ упорно молчалъ: обидчивый такой, суровый. Опять камень преткновения! Что тутъ дѣлать съ нимъ? Печальный, сиротливый видъ дороги и окрестной мѣстности наводитъ на мысль, подаетъ надежду опять завести бесѣду.

— Все-то здѣсь песокъ, все-то одно божье дерево, ни ржи не видать, ни ячменю: видно не сѣютъ ихъ?

— Не сѣютъ совсѣмъ почти.

— Да вонъ и болота пошли, на болотахъ озерки, что лужи, расплылись, длинныя такія и рыбныя, думаю.

— Заводами зовемъ; а рыбы въ нихъ нѣтъ никакой.

— Много мѣстъ на святой Руси видѣлъ я, а такихъ печальныхъ, такихъ горемычныхъ, Богомъ обиженныхъ не видывалъ.

— Наши мѣста еще хуже.

— Могутъ ли быть хуже этихъ?

— А потому и могутъ, что у насъ все болота, все зыбуны, все заводи. Здѣсь хоть рѣка есть, и хорошая рѣка, песокъ есть, а мы и тѣмъ обездолены...

— Скучно же вамъ жить! сказалъ я, чтобъ только сказать что-нибудь.

— Отчего нашъ народъ на чужую сторону весь потянулся, какъ вы думаете?

— Вамъ это лучше знать, вы такой мудреный, задумчивый: надо быть, много знаете, да не любите сказывать.

Офеня мой пріятно и снисходительно улыбнулся (видно попалъ я въ шляпку гвоздя, что называется). И духъ у меня хватало; думаю, что онъ скажетъ; но онъ снова обратился съ вопросомъ:

— А, какъ вы думаете?

— Вы это лучше меня понимаете: вамъ и книга въ руки.

Офеня мой опять снисходительно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Оттого народъ и ходитъ въ чужіе люди, что дома жить нельзя: ничего ты съ нашей горемычной землей не подѣлаешь, хоть зубами ты ее борони, да слезами своими поливай. Такъ-то!

— Ну да, братъ, и повадка тутъ большую силу имѣеть!—опять раздается спасительный голосъ ямщика.

Офеня молчитъ, снисходительно выжидая чужаго мнѣнія. А мяъ лучше, мяъ прїятнѣе. Изъ споровъ выходитъ правда. Офеня молчитъ, но не молчитъ ямщикъ:

— Вѣдь и вы, что и другой кто (говорилъ ямщикъ):—какъ ба-раны: одинъ потянулся, такъ и всѣ за нимъ шарахнулись.

Рѣшился и я, въ свою очередь, поддержать ямщика:

—Ярославцы въ московскихъ и петербургскихъ гостинницахъ живутъ половыми...

— Точно!—въ свою очередь поддержалъ меня ямщикъ.

— Къ-чему же ваша рѣчь клонится? спросилъ меня офеня и въ вопросѣ его прозвучалъ тотъ же тонъ снисходительнаго вниманія и благосклонной, милостивой уступки, которымъ обыкновенно отличаются всѣ немногознайки, но хвастуны и спорщики.

— А къ тому моя рѣчь клонится, что если гдѣ завелся по-ловой изъ ярославцевъ и удалось этому половому сдѣлаться бу-фетчикомъ, то ужъ скоро и, навѣрное, весь трактиръ будетъ на-полненъ ярославцами.

— Вѣрно! поддакнулъ ямщикъ.

— И вотъ почему вся Ярославская Губернїя, или по-крайней-мѣрѣ большая половина ея, состоитъ въ половыхъ. Другихъ яро-славцевъ я знаю только огородниками да малярами.

— Да ужъ ты, братъ, офеня, что ни толкуй, а повадку вамъ эту на счетъ дальней торговли Синельниковъ да Дунаевы дали. До нихъ—сказывала старуха матушка—рѣдкій который изъ ва-шихъ офенствовалъ. У Дунаевыхъ, сказываютъ, офенскія ар-тели десятковъ до двухъ доходили; и гдѣ-гдѣ работники ихніе не таскались! Потомъ, вѣдь, ужъ васъ на мѣсто-то усадили да велѣли къ городамъ приписываться и торговать тамъ, гдѣ указъ засталъ. Съ тѣмъ, братъ, и получай! малаго ребенка пришли—не обманемъ.

Я молчалъ и слушалъ. Разговоръ начиналъ принимать благо-